

**КАРА
ГЪЕЛДЕРУТІ
ЙОХАНЕС В.
ЙЕНСЕН**

Йоханнес Вильгельм Йенсен Христофор Колумб

OCR Сиротин С.В.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=154727

Гьеллеруп К. Мельница. Йенсен Й. В. Избранные произведения:

Панорама; М.; 2000

ISBN 5-85220-431-5

Аннотация

Этим романом завершается эпопея культурно-исторического развития человечества, созданная Йенсенем. Во многих отношениях это итоговая книга писателя. К ней сходятся линии от множества предшествующих произведений. Йенсен писал: «Миф о Колумбе и размышления по поводу великих географических открытий возникали в моих книгах так часто, что я был вынужден вновь переработать и обобщить все эти мотивы...»

Содержание

ХРИСТОФОР КОЛУМБ	4
«САНТА-МАРИЯ»	12
В ОКЕАНЕ	37
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Йоханнес Йенсен

Христофор Колумб

ХРИСТОФОР КОЛУМБ

Христофор Колумб был выходец из Генуи, лигуриец по рождению, но в коренной своей сущности он становится понятным, лишь если рассматривать его как потомка лангобардов, выходцев с Севера.

Насколько известно, Колумб был человек северного типа, рыжеватый и веснушчатый, с голубыми глазами – типа северных мореходов и бондов. Более близкие к Колумбу предки его обитали в горах близ Генуи, этой последней остановки на пути к морю, были крестьянами, из которых, благодаря занятию ремеслами и близости приморского города, выходили также моряки.

Длительный процесс великого переселения народов привел родоначальников Колумба с забытых берегов Балтийского моря, через земли Старого Света, в течение беспокойной эпохи средневековья, на берега Средиземного моря; теперь Колумбу предстояло проложить своим потомкам путь дальше – в Новый Свет.

История лангобардов – предисловие к истории Колумба: от предков-кочевников унаследовал он ту кровь и те глупо-

кие и сильные инстинкты, которые сделали его тем, чем он стал – пусть даже их первоисточник и был забыт.

Глубоко заложенные в натуре Колумба инстинкты северян перекрещивались и подавлялись поверхностными наслоениями, отложениями того мира, который создал его сознательную личность, – мира южан; последний наложил отпечаток места и времени на характер Колумба, который то проявлял себя как итальянец, то как испанец; внутренний иллюзорный мир стоял между ним и природой, на которую он смотрел еще затуманенным оком своего века, знавшего не одну действительность, а несколько, все укладывавшиеся одна в другой, подобно небесным кругам того времени. Колумб, однако, прошел сквозь все эти мнимые действительности и вышел, обретя новую, настоящую.

Обусловившее возможность этого, коренное свойство Колумба отличалось чистотой и монументальностью; это было мужество, не знавшая границ неустранимость, унаследованная Колумбом от предков-завоевателей и пионеров, формы бытия которых определялись переходившею от поколения к поколению неуверенностью в завтрашнем дне и риском, крупную игрою возможностями. Мужество и стойкость, дерзость моряка, непреклонность воли – вот стержень характера Колумба как исследователя. Он человек подвига или, выражаясь по-современному, спортсмен, представитель физической культуры, но также и духовной; его побуждения были выше побуждений его современников; и, смотря на свой по-

двиг как на свою миссию, он действовал всецело под влиянием инстинктов, развертывал свои силы и способности, как бы под давлением всех внутренних сил человеческой натуры.

Зато, как индивидуальная личность, продукт воспитания и необходимости, он человек ограниченный, человек смешанных качеств.

Широта натуры соединялась в нем с мелочностью, – смесь не очень-то подходящая; дар предвидения со слабостью непосредственного суждения, – в результате некоторая сбивчивость понятий; крупный практический деятель, он не всегда оставался на высоте духа, даже если мерять ее меркою того времени: жаловался и хныкал, когда те, кто был сильнее его, поступали с ним несправедливо, не сумел уберечь свою славу от тени, набрасываемой презрительным сожалением.

Планы у него были высокие, но словно какой-то наследственный долг, от которого он не сумел вовремя освободиться, приковывал его к земле. Он был жаден до земли, был собирателем, хотя и крупного масштаба, как те землезавоеватели и морские разбойники, от которых он вел свой род; лангобарды заходили далеко, когда дело шло о приобретении и удержании земельных владений!

В качестве природного завоевателя новых царств Колумб подходил к той королевской чете, к владениям которой он присоединил огромную территорию, и, разумеется, считал себя равным ей, держа империю у себя на ладони, а гото-

вую императорскую династию в голове. Да и чем могли король и королева кичиться перед ним? Ведь и они являлись только головкой рода, уходящего в глубь времен и состоявшего из завоевателей да хлебопашцев!.. То обстоятельство, что Колумб все-таки не дорос до коронованных голов, обнаружилось лишь впоследствии: ему не хватало наследственной тренировки, длинного ряда предков, упражнявшихся в искусстве удерживать в своих руках то, что в эти руки попало. Как большинство моряков, Колумб неуверенно ступал по твердой земле; он был больше самим собою в качестве кормчего на палубе своего корабля, нежели в качестве адмирала и украшенного орденами кавалера при дворе. Кто мог повысить его в ранге? Как пионер крупного масштаба, он имел свой особый ранг, хотя и подчинялся другим.

Таким, каким Христофор Колумб, в силу своей природы и занятого им положения, должен был стать, развиваться, он, конечно, является типичным представителем того расцвета способностей и того глубокого заблуждения, какие отличают северян, переселившихся на юг.

С внешней точки зрения, жизненную карьеру Колумба нельзя уподобить ни одной из обычных форм искусства; это не роман, не драма, не комедия; она соединяет в себе черты всех подобных форм; в ней налицо элементы и романа приключений, и трагедии, и почти фарса, и оперного благозвучия, и дисгармонии. Колумб начинает, как рядовой человек будней, с обыкновенного эпоса, который, и оставаясь

ненаписанным, разрастается до огромных размеров, мучительно реальный и все же при более внимательном рассмотрении оказывающийся театральным закулисным миром ба-сен и миражей; а кончает он, как неудачник, в духе злополучных героев комедии, наказываемых за свои грешки безжалостною театальною Немезидой¹. Самое действие его грандиозной жизненной пьесы развивается в духе фарса: Колумба выталкивают с завязанными глазами на мировую арену, в пространство между двумя частями света, и он ошупью, нечаянно, натывается на одну, но сам не подозревает на какую именно, и никогда этого не узнает. А умирает он совсем выкинутый из игры, почти как павший человек, случайно и незаметно ни для кого, статист, без которого пьеса может отлично продолжаться с новыми персонажами и новыми мощными эффектами. Несчастья обрушиваются на него, как на какого-то клоуна или шута интермедии, хотя он – главный герой, без которого не было бы самой пьесы. Все смеются над злоключениями и падениями клоуна, не думая о том, что и у него есть спинной хребет. Впоследствии картина страданий героя восстанавливается, и палачам выносятся суровый приговор, а герою подносится мученический венец – тою же самую публикой, сперва жестокосердною, а затем умиленно преклоняющей колени перед славною памятью; впрочем, разве публика когда-нибудь бывала иною? Но такого человека, каким был Колумб с его красивою идеей и с его ошибка-

---

¹ Богиня возмездия у древних греков.

ми, нельзя не любить как большого заблудившегося ребенка, нашего родного брата.

Лишь для потомков восстал Колумб как цельный образ, и вырос в легендарную фигуру, в представителя своей эпохи. До нас не дошло ни одного сколько-нибудь реального портрета Колумба. В идеализированном же образе мореплавателя, известном по его монументам, схвачены некоторые характерные черты северянина, но в общем получился облик и мягче и величественнее того типичного простолюдина, каким Колумб в действительности был. К характерным чертам подлинного портрета Колумба надо отнести и то, что он скрыл от истории свое индивидуальное лицо, оставив лишь родовое. Правдивая история Колумба должна быть трактатом о его роде и расе.

Лишь тот, в ком сконцентрировалось прошлое, внесет что-нибудь в будущее. Колумб растет в глазах людей вместе с промежутком времени, отделяющим от них его подвиг. История, если оглянуться назад, проходит через его сердце. Он – мост, соединяющий далекие миры и эпохи. Он кладет грань между иллюзией и действительностью; не тем, что он задумал, но тем, что сделал и чему в страстном порыве дал толчок.

Удивительным, трагическим и величавым образом совпадает в его судьбе прекрасное заблуждение с полным уничтожением иллюзий, что, однако, оказывается плодотворным, ибо он обретает через это новую действительность, хотя и

теряет самого себя. Он самый обманутый человек в истории.

Колумб завершает странствия Северян и вместе с тем делает христианство, как земную мечту, окончательно невозможным. Тот сказочный блаженный край, к которому он стремился, был мистический библейский рай, но он искал его на земле. Он не знал, что это стремление было глубоко заложено в его душе. Он плыл в Индию, думая о рае, и нашел Новый Свет; не правда ли, Господь Бог или кто-то другой, похуже, жестоко подшутил над ним!

И все же он нашел; он открыл Новый Свет!

В личности Колумба страстная тоска, присущая языческой натуре, слилась с фата-морганой христианства и – вместе они потерпели крушение! Можно было бы, пожалуй, сказать, что Колумб, воспринятый как герой трагедии рока, в которой стихии сильнее его, — первый современный человек, родоначальник безбожников, поставивший на место духовной тюрьмы и суеверий Средневековья пространство и действительность нового времени.

Новое время, однако, строится на открытиях и завоеваниях, сделанных после Колумба; другие умы, более подготовленные, обладавшие теми знаниями, каких недоставало ему, разрушили тот *Imago Mundi*, в который верил он, и сделали реальный мир просторнее; Колумб приблизил тот мир к нашему глазу, но сам умер, не прозрев.

На Колумба надо смотреть как на человека своего времени, как на наследника известных расовых особенностей и об-

ладателя известного личного житейского опыта, и то, что он видел, рассматривать его же глазами, глазами искателя приключений, фантазера, счастливца и неудачника, на краткий миг озаренного ореолом славы и навсегда сохранившего известность в качестве кормчего небольшого морского судна – каравеллы, которое вынесло его вместе с его грузом из средних веков и разбилось о тот берег нового времени, куда он стучался, стучался и куда не был допущен. Но его подвиг указывает назад на его род, на р а с у; и пусть самый подвиг или дело перешло в другие руки, пусть даже сам Колумб забыт, он все же остается главным героем.

И настоящим решающим событием всей его жизни остается все-таки самое древнее и самое общечеловеческое из всех переживаний, то, за чем мы все гоняемся и с чем возвращаемся домой – утрата иллюзий, гибель надежд...

«САНТА-МАРИЯ»

В ночь на 3 августа 1492 года приморский городок Палос с гаванью был взволнован донельзя; морское плавание, подготавливавшееся в течение последних месяцев, – из ряда вон выходящее плавание, и Палос сам принимает в нем непосредственное участие: здешние корабли, владельцы их и большая часть команд тоже; едут они, впрочем, не совсем по доброй воле; и корабли, и команды побудило к этому правительство. Кораблеводитель, напротив, чужеземец, какой-то не ведомый здесь никому итальянец, сумевший снискать милость великих мира сего и одобрение их затеянному им, явно безумному предприятию – ни более ни менее, как кругосветному плаванью. Обогнув землю снизу, он рассчитывает попасть туда, где растет перец, – план довольно-таки сомнительный и способный поселить тревогу в умах жителей Палоса, как тех из них, которым предстоит плыть, так и их остающихся дома родных и друзей.

Не многие из взрослого населения города проводят ночь в своих постелях; моряки, более или менее добровольно отправляющиеся в неведомую даль, навстречу неизвестному, стараются по мере сил подбодрить себя, усердно посещая церковь и кабак.

В церкви идет торжественная служба; вся команда побывала сегодня на исповеди и у причастия, но и в течение всей

ночи грешники то и дело забегают в церковь на зов колоколов – прочесть молитву Богородице и охладить пылающий лоб прикосновением к каменным плитам пола, а затем опять, поддаваясь непреодолимому искушению, словно слыша издали манящий звон стаканов, украдкой уходят в таверну. Трудная выдалась ночка! Многие парни болтаются таким образом, как маятник, взад и вперед, между миром земным и небесным.

Лишь один человек ни разу не вышел из церкви до самой последней минуты. Тот, кто поведет корабли, Христофор Колумб. Час за часом стоит он на коленях перед изображением Святой Девы, благоговейно сложив свои большие волосатые шкиперские руки, стоит с застывшими чертами лица, с впалыми глазами и щеками от бдения, молитвы и серьезных дум. Свет восковых свечей озаряет могучую голову с рыжей гривой, подернутой сединою, и удивительными голубыми глазами под орлиными бровями, которые кажутся почти белыми на пылающем медно-красном от загара и ветра лице; оно – воплощение постоянной борьбы с непогодю, как вся эта, выше обыкновенного роста человеческого, крупная фигура, полная внутреннего покоя – олицетворение отдыхающей силы, мощи физической и духовной. Если этот человек искатель приключений, то во всяком случае не легкомысленный бродяга, ибо он твердо знает, чего хочет, и уже одни плечи его и спина говорят в его пользу.

Что, собственно, переживает сам адмирал, какие чувства

и думы шевелятся в нем – по лицу его не прочесть. Глаза у него как-то воспалены, но ведь в церкви такая жара, воздух в тесном помещении тяжелый, насыщенный благоуханным дымом, кадилльным и сладковатым чадом восковых свечей; их маленькие огоньки словно обведены цветными кругами, как невыспавшиеся глаза; слишком многолюдно в церкви, воздух как в теплице или в покое родильницы, пропитанном звуками и запахами; священнослужители читают положенные молитвы, кадят и позванивают в колокольчики, башенные колокола звонят и сотрясают стены церковные, орган гудит и гудит; месса растет, подымается ввысь, словно на хребте волн с пеной торжественных латинских заклинаний; как сквозь дымку, глядят сквозь туман ладана изображения святых, а Христофор Колумб по-прежнему недвижно стоит на коленях перед алтарем. Створки дверей церковных хлопают, впуская свежий воздух; то входят, то выходят матросы; когда двери отворяются, в церковь уже проникает синеватый утренний свет; скоро день; сами священнослужители зевают, прикрывая рот ладонью, и стараются сморгнуть сон с сухих покрасневших глаз. Словно свитое из паутины и пыли выступает церковное помещение из мрака; наружный свет постепенно выращивает колонны и стены; огоньки восковых свечей блекнут; ночь и день угрюмо встречаются в утренней полумгле; матрос, набегавшись за ночь из церкви в кабак и обратно, икая, засыпает посредине «Богородицы» и снова просыпается, стукнувшись лбом о церковный пол, охает и не

может сообразить – не то он жив, не то мертв!..

А на воле, за дверями церковными, гуляет холодный утренний ветерок, и с реки подымается пахучий пар. Выступают из мрака корпуса и мачты судов; три корабля стоят, со всем готовые к отплытию с полунатянутыми парусами; судовые фонари гаснут, – и без них достаточно светло; корабельные шлюпки полощатся в то набегающей, то отбегающей волне между судами и берегом; на суда грузят последние нужные для плавания припасы и предметы.

В таверне в самой гавани группы матросов поднимают стаканы, в последний раз чокаясь с друзьями на прощание. Здесь собрали около себя большой кружок братья Пинсоны, капитаны двух кораблей, и еще раз обсуждают план предстоящей более чем рискованной экспедиции. Они чувствуют себя центром общего внимания, но не спесивятся; имеют, разумеется, что сказать, но говорят тихо, с достоинством людей знающих, и это заставляет слушателей теснее сбиваться около них в кружок, чтобы лучше слышать их веские речи, речи опытных моряков и местных жителей. Мартин Алонсо говорит первым, как старший; за ним Висенте Яньес, который держится тех же мыслей, но умеет выразить их еще сильнее. Все, что яснее ясного, сказано и повторено еще раз. Об одном лишь не говорят братья, но оба плотно сжимают губы, когда разговор заходит о возможном исходе плавания. Мартин Алонсо молчит, и Висенте безмолвствует, но грудь у обоих выпячивается, переполняясь тем важным, что оста-

ется невысказанным. Мартин Алонсо, стоящий в благородной позе, крепко опираясь на одну ногу, а другую выставив вперед, пожимает плечами, низко наклоняет голову, словно смиряясь перед стихиями, и как бы отпихивается от вопросов обеими ладонями: кто знает?.. А Висенте горбит спину и тоже выставляет вперед щитом обе ладони: кто знает? Братья в непромокаемых морских сапогах, с голенищами чуть не до пояса,—надо быть готовыми ко всему!—туловище заковано в железную кирасу, голова защищена шлемом; забрало, впрочем, еще поднято. Но вскоре опускается, и тогда оба превращаются в неуязвимых воинов, готовых встретить неведомые чудовища, людоедов и целые полчища врагов.

Таверна большая; по углам темно; головы у всех в тумане; никто не знает хорошенько, что происходит там, в углах и в глубине помещения; слышны женские вскрики, звон стаканов, звуки гитары и флейты, пение и ритмичные рукоплескания, словно буйное биение сердца... А над головами толпы что-то волнистое, сверкающее, чарующее: девушка вскочила на стол и пляшет. Смелая пляска на самом краю стола! Как видно, пляска не ушла из страны вместе с изгнанными недавно маврами. Плясунья с гибким как древко лука станом извивается, как угорь, под звуки гитары и флейты, бедной клапанами, богатой повторениями; в пляске есть что-то африканское; угорь упруго извивается на столе, плясунья вскрикивает и быстро-быстро перебирает ногами на одном месте. Мужчины вопят: браво!—и на стене под потолком

волнуется тень с поднятыми руками, виляющая бедрами, перегибающаяся пополам. Плясунья взвизгивает, как молодая кобылка, гитарист бешено щиплет струны, гнусавые трели флейты переливаются все быстрее и быстрее, рукоплескания подкрепляются топаньем ног, кастаньеты трещат, подгоняют; пляска становится вихрем, отдельные взвизги сливаются в сплошной вой... Пусть завтра грозит смерть, сегодня владычествует жизнь со всем, что ее красит!..

Да, это были безумные сутки в Палосе; и некоторые из присутствующих мужчин ступают твердо лишь одной ногой, другую волочат; некоторые глядят лишь одним глазом, а вместо другого у них окровавленная повязка. Безумный вечер безумных суток начался тем, что выпустили быка! Разумеется, в таком маленьком городе нет цирка, но бык-то есть, и горожане умеют развлекаться. Быка выпустили прямо на площадь! У! Санта-Мария, глядите, бык стоит на площади в гордом одиночестве, чувствуя себя хозяином положения, крутит хвостом, а люди врассыпную спасаются кто куда – на крыльца, в двери, кто бегом, кто ползком, кто кувырком. Глядите! Бык бежит по середине улицы, подняв рога, один-одинешенек, а над заборами мелькают последние пятки, всю улицу точно вымело волшебной метлой; людские головы торчат из всех окон и подвальных и чердачных люков... Ага! Представление начинается!.. Из домов выскакивают молодые проворные парни и дразнят быка, махая перед ним плащами, гонят его назад на площадь; и с разных кон-

цов мчатся туда галопом всадники с длинными копьями и описывают круги вокруг быка; столкновение, бой, в воздухе мелькают конские копыта, всадники барахтаются в общей куче, льется кровь, бык подымает на рога первую лошадь, вся площадь воет, общая свалка, шум, треск, крик, гоньба и беготня из одного конца в другой... Наконец, бык доведен до исступления, и пора нанести ему смертельный удар. Знак подан, и все отступают в сторону, все, кроме одного, молодого десперадо². Он и бык остаются одни посреди площади. У человека нет другого оружия, кроме обнаженного кинжала с рукоятью, обмотанной платком. Смертельный бой происходит среди полной тишины. Разъяренное животное, массивная туша, рогатая голова и кровью налитые глаза, с одной стороны, а с другой – стройный, худощавый человек с отчаянной решимостью в глазах и с острым клинком наготове... Мгновение, и – площадь ревет, беснуется, становится как бы живым существом от летящих из окон и люков предметов: люди в безумном восторге швыряют на улицу шляпы, части одежды, даже цветочные горшки, а некоторые сами выскакивают из окон и пляшут, кружатся около победителя: он заколол быка! Кинжал торчит из брюха животного рукоятью кверху, – острие пронзило сердце, и бык рухнул, как сраженный молнией!

Теперь десперадо сидит в таверне на стуле, тычась подбородком в грудь, то пьянея, то протрезвляясь, то опять пьянея

---

² Отчаянный (исп.).

несколько раз в течение этих суток, пресыщенный почестями, истомленный, постаревший за несколько часов на целый век человеческий... А завтра, нет, уже сегодня, сегодня он должен отправиться в плавание. Серый лик утра уже глядит на десперадо и плясунью.

На восходе солнца, вставшие с зарей полевые работники видели человека с посохом в руках и с коробом всякой мелочи на спине; сильно прихрамывая, но удивительно быстро, он шел по дороге к северу от Палоса. В то же самое время услышали они и пушечную пальбу, и звон во все колокола, — это отплывал со своими кораблями Колумб.

Солнце огромным красным шаром висело на горизонте, когда корабли отчалили и начали заворачивать по течению, салютуя всеми своими орудиями. Зазвонили и все колокола Палоса — небольшие колокола — и на башне церкви св. Георгия и на колокольнях часовен; с высоты неся звон колоколов монастыря Ла-Рабиды, а издалека Гуэльвы; затрезвонили и все деревенские колокола. Отплывавшие корабли как бы обменивались мнениями с оставшимися на месте церквями. Большие колокола в больших приморских городах гудят совсем иначе, более внушительно; зато здешние малые отличались бешеною быстротою темпа; невольно вспоминались роящиеся пчелы и бегущие за ними люди с медными тазами, ступками и прочими ударными, звенящими инструментами. Даже смысл трезвона был как будто такой же: стой, стой, стой! — вызванивали колокола часто-часто; но кораб-

ли не хотели стоять, строптиво бухали с кормы из своих тяжелых пушек, отчего содрогался весь корпус судна, окутывались пороховым дымом и на хребте отлива выплывали из речного устья в бухту; большая неуклюжая каравелла во главе, а за нею две поменьше и постройнее.

В бухте суда подняли все паруса и начали подвигаться быстрее. Атлантический океан высылал им навстречу волны, которые то подымали корабли кверху, то опускали вниз. С берега видели, как они ныряли и медленно убывали в объеме, словно всасываемые нижним течением в лоно глубоко дышащего моря. Под конец, когда корабли были уже далеко-далеко, наблюдатели различили прощальные салюты флага и вымпелов да белое облако, взлетевшее над кормою «Санта-Мари»³, а затем павшее на волны, и слышали глухой, словно сквозь подушки, гул прощального пушечного выстрела.

А там, на кораблях, наблюдали, как бежит и заворачивает мимо корабельных носов испанский берег, как солнце раскидывает веером свои лучи из-за высот Кадикса, как, по мере удаления судов от берега, суша словно вырастает и взорам открываются все большие пространства страны, но зато и становятся все менее отчетливыми. Вдали, в вышине, парила воздушная снежная цепь Сьерры-Невады, облаком среди облаков. Страна протягивала им вслед руки с обеих сторон бухты. Когда дальний берег начал мутнеть и погружать-

---

³ Адмиральский корабль, на котором впереди своей флотилии шел Колумб.

ся в море, некоторые из команды подошли к борту и стали посылать берегам воздушные поцелуи, в страстном порыве простирали туда руки, глаза их увлажнились, в груди заняло, – разлука казалась невыносимой.

А на мостике кормовой башенки, которого он так и не покидал больше, расхаживал взад и вперед Колумб и, не отрываясь, глядел вперед, куда держали курс корабли – на юго-запад, и сознательно или бессознательно, но не обернулся ни разу назад, на Испанию. По данному им знаку, зеленые венки, украшавшие корабль при отплытии и теперь увядшие, были выброшены за борт. Приказал он также выпустить на палубу ту часть команды, которую до поры до времени необходимо было держать взаперти в трюме. И все эти взятые из тюрем арестанты, бродяги и тому подобный люд рассыпались по палубе, забегали вокруг, приняхивались, как собаки, глядели на море, ища глазами берег, – до него было не менее мили, они находились в открытом море!.. *Madre de dios!*⁴ Некоторые из них, старые, бледные люди, только мотали головой, зная, что тут им и конец будет, но молодые, ломая руки, бросались на палубу, рыдали и плакали, словно из существа их вышибли дно, и теперь вся жизнь должна была вытечь из них слезами.

Чайки провожали корабли, переговариваясь между собою на своем немногословном языке, не сводя глаз с килевой струи. С кораблями они давно освоились, привыкли видеть,

---

⁴ Матерь Божия.

как такой, особенного вида, длинный остров вдруг возьмет да отделится от земли и поплывет себе; пожалуй, это высиженные землей птенцы, которые плывут в гости к другим. На такие острова не присядешь отдохнуть или вить гнездо; они полны людей, которых надо остерегаться, но с таких островов нередко падает в воду что-нибудь съестное, на поживу чайкам, и они это хорошо знают. М и в! – кричали они друг другу, летя за кораблями, а это означало на их языке, что день ясный, что море и небо как им следует быть.

Но под вечер чайки все-таки призадумались; они привыкли, что плавучие острова держатся между берегами и, летя следом за ними, всегда можно – во всяком случае с высоты полета – видеть оба берега за раз, но эти три острова, как видно, собирались плыть все прямо-прямо от земли туда, где нет никаких берегов. Это было уж слишком смело даже для чаек, и настал час, когда они повернули обратно. В первые дни адмирал почти не раскрывал рта, расхаживая по мостику, хмурый и угрюмый; ничто не могло разгладить морщин на его челе, даже то, что они все-таки вышли в открытое море и плыли, – уж очень вывели его из себя все эти оттяжки и препятствия, чинимые ему до последней минуты.

Следовало бы отплыть еще весною, и все было рассчитано на это; весьма существенно ведь иметь перед собою в запасе целое лето; теперь они пустились в путь, когда лето уже кончилось и начиналась осень, а это много значило для всего плана, для всей жизни. Когда Колумб был молод, план его,

уже тогда вполне созревший, встретил всевозможные препятствия; теперь, когда судьба, наконец, дала ему случай попытаться счастья, он с непреодолимою горечью сознавал, что это поздновато, — он уже в том возрасте, когда озираются назад. Четырнадцать лет, четырнадцать долгих лет — с двадцативосьмилетнего возростало сорокадвухлетнего, годы в жизни мужчины наиболее активные, — ушли на то, чтобы добиться снаряжения экспедиции, и теперь только начиналось самое плавание, теперь, когда он уже стал тяжел на подъем и успел поседеть от времени и досады на даром уходящее время! Нетерпение томило его и теперь. Вперед, хоть навстречу смерти, если не чему другому, но вперед, на всех парусах!..

Еще раз, последний раз проходят в его памяти превратности этих четырнадцати лет, он вновь переживает все унижения, и матросы видят, как адмирал все ускоряет и ускоряет шаг, мечется взад и вперед по командорскому мостику, словно лев в клетке; лицо его становится еще краснее, жилы вздуваются на лбу, и люди, думая, что это он гневается на них, опускают глаза и с жаром кидаются на работу. Но адмирал только вспоминает годы в Португалии, потерянные даром годы, оскорбления, тупость людей и подлость их,

— подлость, когда, наконец, они оказываются в состоянии понять личные выгоды: король португальский, за спиной Колумба, отправил корабли в океан по пути, указанному Колумбом, воспользовался его планом, пренебрегши им самим, обокрал его! Да, великие мира сего способны на это!

Оттого они и владеют царствами и государствами! Разумеется. Но, поболтавшись в океане сутки-другие, королевские люди захворали морскою болезнью и повернули обратно; они рассказывали потом, что океан слишком огромен, они совсем было замерзли, чуть не потеряли рассудок и еле-еле пришли в себя! Хо! Изворотлива мысль человека, всегда найдет ему оправдание!

Адмирал застывает на месте и, подняв свою львиную голову, обводит корабль рассеянным взглядом поверх всех голов, и команда невольно пригибается под этим взглядом, не смеет поднять глаз выше, чем до середины трапа, ведущего на командорский мостик. Они хорошо знают, что заслуживают некоторого презрения, – не все-то они достойными божьей милости ступили на палубу корабля! И они почти довольны, когда их угощают концом каната, который так и пляшет по их спинам в первые дни; боцманам попадает сверху, и они передают полученное дальше. Если Диего думал, что едет на увеселительную прогулку, то жестоко ошибся; здесь нет места пьяной расслабленности, праздности, разгильдяйству; здесь его сразу берут железной рукой в крепкую муштру. Боцман и штурман, может быть, имеют своё особое мнение насчет всей этой нелепой поездки, но пока корабль в плавании, надо, чтобы он плыл,

– значит, команда, работай во всю! И, еще не достигнув Канарских островов, Диего становится трезвым, послушным, проворным; пальцы рук у него все в смоле от лазанья

по вантам, а пальцы ног чисты от частых и обильных душей, которыми он угощает по утрам еще до первого завтрака корабельную палубу.

Каждый пятый матрос на корабле носит имя Диего, если не каждый второй, как жители Испании вообще; это переделка имени святого и апостола Иакова. Диего отвечает своему имени столько же, сколько самое имя в народной переделке отвечает оригиналу: отдаленное сходство, стертое временем; остальное восполняется медным образком св. Яго, который Диего, повесив на шейный шнурок, носит на голой груди. У себя на родине Диего был десперадо, грозой быков, и, как большинство береговых жителей, одинаково пригоден к приключениям на суше, в рядах наемного войска – ландскнехтов или мушкетеров, и на море – как матрос или вооруженный драбант на галере; род оружия и стихия для него безразличны. На этот раз он попал в море наполовину против собственной воли, но так уж складывается иной раз судьба Диего. И в приключениях у него наверное недостатка не будет во время этого невообразимейшего и рискованнейшего плавания, в которое он волей-неволей втянут.

Подобно семечку, подхваченному морским ветром и летящему неведомо куда, тая в себе возможности стать ростком, если достигнет земли, оторван был Диего от почвы Испании и отдан на волю ветра и волн со всеми таившимися в нем возможностями, отдан, чтобы пустить где-то ростки и укорениться или погибнуть. И в этой четырехугольной ис-

панской голове с сизыми наголо выбритыми щеками и с огненными глазами, действительно, таилось немало возможностей и способностей. Чего только не творилось в Андалузии, откуда шел весь его род! Имя свое она получила от вандалов, переселенцев с севера Европы, затерявшихся в северной Африке после своего вторжения туда из Испании, Северная Африка, в свою очередь, вторглась в Испанию: мавры на несколько веков укоренились здесь со своими арабскими домами, лошадиными подковами, прибитыми в дверях, женскими теремами и прочим, – пока их снова не изгнали в Африку, совсем недавно. Многие из команды кораблей Колумба были свидетелями того, как взвезло над башнями Альгамбры кастильское знамя, но это не значило, что из Андалузии изгнан был самый дух мавров. Хозяйничали в ней раньше и другие чужеземцы, и все оставили там свой след – готы, римляне, греки, а в более глубокой древности – карфагеняне, и в самой глубокой – финикияне, эти всюду шнырявшие морские крысы из Малой Азии. От всех от них осталось хотя по капле в крови Диего или по черточке в его характере, унаследованном им от предков, которые многое перенимали от своих близких соседей. Он храбр, жаден, кровожаден, разрушитель по натуре, но с тем же удивительным презрением относится к смерти, с каким относились к ней северные герои, не знавшие греха или порока хуже трусости; он величествен,

– гордая осанка перешла к нему по наследству от рим-

лян вместе с их тогою – плащом, которым Диего прикрывает свою нечистоплотность; он бесцеремонен и невыносим, как многие в средиземноморских странах; у него сильные страсти, но он беден чувством; в любви он азиат, горяч до бешенства и, прежде всего, непостоянен, но в сокровенной глубине своей природы он все-таки ибериец, потомок первобытных испанцев; натура, богатая противоречиями и далеко не цельная; в общем – человек очень выносливый, любезный, с музыкой в душе, ибо среди его прапраматерей были самые безмолвные и самые прекрасные из женщин земных.

Таков был Диего, плывший теперь с Колумбом и с не вполне искреннею почтительностью взиравший на командорский мостик, святая святых судна, где неустанно шагал адмирал. Что ж, в данную минуту он был всех сильнее (проклятый итальянец!), и самое лучшее подчиняться ему, если хочешь выйти целым и невредимым из всей этой передраги. Пороховой груз в трюме «Санта-Марии» не таил большей опасности взрыва, чем душа Диего: сера, уголь и селитра, кое-как смешанные, прикрывали адскую бездну, и достаточно было одной горячей искры... А искра эта тлела в кабийских глазах Диего.

Адмирал со своей стороны отличался властным взглядом укротителя, и в этом было его преимущество перед командой.

Пережив все горькие впечатления, вынесенные из Португалии, он шагает по узкому мостику еще быстрее и пово-

рачивает еще круче, припоминая годы, проведенные в Испании. Ноздри его раздуваются от негодования. Восемь лет болтовни! Сколько башмаков износил он, слоняясь за королевскою четою в толпе искателей милостей, лакеев и паразитов. Сколько выпало на его долю глупых улыбок, расплывшихся по лицам дуралеев при виде его или при упоминании о нем – о Колумбе, чуде! Даже ребятишки кричали ему вслед, когда он проходил по улице! А совет мудрецов в Саламанке, которому было поручено рассмотреть его план! Отсрочки, надежды и разочарования, то вверх, то вниз, бедность, бесприютность, ненадежность и толстокожесть высоких покровителей, долгие, долгие тяжкие скитания, во время которых он узнал все муки нищенства. Начинать каждый день с пламенем великого решения в груди, быть готовым ринуться вперед, к цели, и – изо дня в день только сильнее убеждаться в ничтожестве человеческом, изо дня в день, из года в год, годами, годами! А последний тяжелый этап, когда он, отчаявшись во всех своих надеждах, ушел из Кордовы вместе с маленьким сыном, собираясь совсем покинуть пределы Испании, пришел в монастырь около Палоса, монастырь Санта– Марии Ла-Рабиды, и попросил Христа ради кусок хлеба, впервые в жизни с ужасом чувствуя себя стариком. И только тогда счастье обернулось к нему лицом, – он сдвинулся с мертвой точки. Но никогда не забудет он, никогда не простит того, что почувствовал, принимая дрожащею рукою подаяние для себя и своего ребенка и говоря себе: так

дрожат руки у стариков!..

Снова стоит адмирал неподвижно на мостике, и Диего, украдкой покосившись на него, содрогается, – так он страшен, этот высокий, мощный, седой человек. Не чудится ли ему что-нибудь? Может быть, он заклинает злых духов? Иначе, почему же он такой страшный? И Диего торопится шмыгнуть, спрятаться куда–нибудь, где бы «дурной» глаз не мог упасть на него; крестится старательно большим крестом со лба на грудь, с левого плеча на правое: Madre⁵ – шепчет он, весь позеленев от страха. Этот великан там наверху... кто знает, с какими силами он водится?!

В течение следующих дней, на пути к Канарским островам, где им предстоит чиниться весь конец августа и начало сентября, настроение команды понемногу улучшается, становится менее напряженным. Что ж, пока что они еще в знакомом мире, и нельзя же чувствовать себя несчастными изо дня в день, из недели в неделю подряд! Диего, вспомнив забытые было песни, изливает сердце в страстных, грудных звуках, он полон сладких речей и слов, как же них—тысячи желаний, и все свободное время – а его больше, чем нужно, благодаря прекрасной тихой погоде – играет на палубе в кости, вытряхивает из стакана вероломные костяшки и зорко следит—сколько очков выкинул, сам похожий головою и лицом на костяшку о пяти очках. Играют не впустую: деньги и ценности, имеющиеся у команды, то и дело меняют хозя-

---

⁵ Матерь (Божия).

ев, переходят от одного Диего к другому и опять обратно, по несколько раз. То тот, то другой оказывается то богачом, обладателем всего движимого имущества команды, предметом всеобщего подобоострастного восхищения, то опять нищим, но к кому бы ни перешло добро, оно, как говорится, остается в семье. Игра ведется горячо, иногда не без опасности для жизни и целостности разных частей тела; кровь вскипает, Диего возмущается до глубины души, когда ему не везет; он ставит на кон все, что имеет, проигрывается в конце концов до рубашки, и видно, как он шевелит губами, давая Деве Марии обеты, если она ему поможет; а когда все-таки проигрывает, – срывает с себя рубашку и хватается за образок с проклятием, которого нельзя повторить. Последней ставкой служит самый образок; когда же проигран и он, Диего, голый язычник, ставит на карту свои волосы, свою жизнь, невесту, свою долю в царстве небесном, все, что угодно, пока счастье снова не обернется к нему лицом!

На следующий день Диего может отыграть все свои собственные вещи и выиграть немалое количество чужих. Для разнообразия играют и в карты – кто умеет; для этого нужно уметь считать побольше. Не знающие счета матросы довольствуются ролью зрителей; многочисленный кружок профанов с интересом следит за несколькими чародеями, которые сидят на палубе в центре кружка, поджав под себя голые ноги, и колдуют; каждый держит в руке веер из карт с апокалипсическими пестрыми фигурами. Колода карт – это книга

счастья, и нельзя перелистывать ее без волнения; возникают недоразумения, игроки пронизывают друг друга подозрительными взглядами, яростно тычут в палубу пальцами, зловеще кивают и снова тасуют карты и снова сдают одну за другую, пристукивая кулаком по палубе, словно кузнец тяжелым молотом, и приговаривая: Spadlie, Basta, Ponto!.. Партнер уничтожен! Морщат лбы, задумываются, швыряют сразу все карты и передвигают червонцы из одной кучки в другую; все это непонятно для непосвященных в премудрость, которые сидят и только дивятся: и как это все умещается у них в голове?! С карточными фигурами все знакомы: это ландскнехты, короли и дамы – прелестные и единственные на корабле, увы! Диего бурно прижимает одну карту к своей груди обеими руками, нежно ласкает; это дама червей – дама сердечной масти. Ох... да, да!

Да, с Диего что-то творится. Увидав бочку с водой, он обнимает ее, расточает ей нежные слова; говорит разнеженным голосом, поет вечерние молитвы и готов умереть от тоски; он то весел, то мечтателен, то остроумен, но всегда не особенно благопристойен; мало что не настраивает его фантазию на известный лад. Паруса надулись – он причмокивает: ого! какая упругая грудь! Мачта кажется ему такой стройной, что он не может не обнять ее; он посылает воздушные поцелуи и объясняется в любви «Нинье» – сестренке, плывущей неподалеку На «Пинту» никакого, внимания, – это судно мужского рода, а вот сестренка очень мила; как славно она при-

седает в волнах, совсем по-девичьи ныряет грудью, и пена на ее форштевне, словно кружевной воротник на девичьей шейке, а упругая белая грудь паруса – ого!..

Меняется настроение к лучшему и на самом верху: адмирал время от времени открывает рот и даже разок спускается со своей высоты, чтобы побыть с простыми смертными на средней палубе. Диего при этом случае открывает, что у таинственного человека приятная, добрая улыбка, и в известном смысле он наименее притязательный человек на всем корабле.

Видит его Диего и погруженным в вычисления и в разные алгебраические штуки; адмирал ежедневно вывешивает свою астролябию⁶ на солнце и предоставляет инструменту и стихиям действовать друг на друга – к немалому смущению и страху Диего. В сущности, этот колдовской круг с таинственными буквами следовало бы сжечь вместе с его владельцем, если бы безопасность корабля не зависела от этих дьявольских штук... Брр! Смотреть гадко! По ночам адмирал наставляет на небо свою трубу и следит за звездами, назоливо, нисколько не стесняясь создателя; надо полагать, это необходимо для верности курса, но Диего все это очень не по душе.

Вахта на руле – самые тяжелые часы для Диего. Править-то рулем легко, но к соседству компаса ему привыкнуть

---

⁶ Инструмент, при помощи которого до начала XVIII в. определяли высоту солнца и звезд.

трудно; компасная стрелка наводит на него жуть, двигаясь под своим стеклянным колпаком, как живая, и все время тыча острием на север, как бы ни повернулся корабль; с этим-то и сообразуется рулевой, правя курс, но все-таки стрелка внушает ему отвращение своим трепыханием, как некоторые червяки или гусеницы со щупальцами. По ночам у Диего даже волосы дыбом встают, когда он взглянет и увидит при свете фонаря, что стрелка мечется по кругу, словно разнухивая. Ясное дело, ею водят какие-то нечистые силы, но Диего их знать не знает, он крестится и правит рулем, сообразно указаниям стрелки, а все остальное дело кормчего, и пусть грех падет на его голову.

Что касается адмирала, то он спокоен; он как будто, наконец, глубоко перевел дух, сложил весла и ждет, что будет. Он вышел в море, его дело плыть, и он с каждым днем чувствует себя все более и более в своей стихии.

Плыли они, как и следовало, к югу. Осень подвигалась, но погода с каждым днем становилась теплее! Да, старость коснулась его своей рукой, у него украли лучшие годы, прости молодость, но теперь он, с каждым часом становясь старше, становится и ближе... к чему? К вечному лету – говорили солнце, говорил чудесный мягкий воздух, становившийся день ото дня все прекраснее, говорил попутный ветер, говорили волны, спокойно катившиеся впереди, как многочисленный передовой отряд в голубых мундирах, говорили звезды, да, звезды!

Колумб проводит с ними долгие прохладные ночи, возносится к ним душою, бродит с ними по их постоянным, но неисследованным путям. Позади судна высоко в небе сверкают звезды-путеводительницы, две звезды Малой Медведицы, по которым мореход привык править свой курс; они в течение ночи описывают полукруг около Полярной Звезды, уподобляясь стрелкам больших небесных часов; по их положению на небе мореход всегда может сказать, который теперь час ночи. Под нею распростерлась Большая Медведица, из всех созвездий захватившая на небе самое большое место, и все же как оно мало в сравнении с простором неба! Орион восходит, надуваясь, словно орел небесный с распростертыми крыльями; блещут созвездия Зодиака, мерцает вдали Вечерняя Звезда, каждый вечер заметно сдвигаясь с места; плывет меняющий свой лик месяц, слепой месяц, друг наших ночей, прекрасный бледный месяц!..

Никогда не наскучит глядеть на звездное небо, быть под ним, следить за движением светил с вечера до утра. Колумб, не знающий сна, круглые сутки созерцает это возвышающее дух зрелище; он видит, как подымается из лона морского солнце, как шествует величественно по небу, как погружается в море на другой стороне горизонта, красное и могучее, и – самое время и пространство как бы откладываются в сокровенной глубине души Колумба; он чувствует, как долго они плыли, где сейчас находятся; он наделен необыкновенным космическим чутьем. В тихие ночи, когда он стоит один

на мостике, и звезды кружат над ним, он как будто различает даже музыку небесных сфер, слышит, как где-то далеко-далеко и едва слышно вращаются семь кругов небесных, один внутри другого; в краткие, захватывающие мгновения он ощущает то, что знает разумом, но не может представить себе: все эти небеса, вращающиеся вместе с принадлежащими каждой сфере телами небесными. Отдельный раз чудится ему и какой-то глухой скрежет, заглушаемый расстоянием в тысячи миль, и он кивает самому себе: это трутся одна о другую оси сфер! И самая ночь как будто вырастает вокруг него, когда он думает об этой небесной мельнице, беспредельной, всемогущей!

Отведя взгляд от сверкающих гвоздей небесного свода, он видит вокруг себя необъятный простор моря, но знает, что это лишь незначительная часть океана, океан же лишь частица всей земли, невообразимо, головокружительно огромной. И еще одно знает он, – вернее, чувствует. Это опыт всей жизни Колумба, результат его наблюдений; само по себе это необъяснимо и все же основано на прямом ощущении или своего рода предчувствии: земля кругла! Об этом говорится еще в древних писаниях, только не в Библии; об этом же говорит высота звезд, их угол с горизонтом. Кто освоился с положением звезд на небе и достаточно плавал по морю, – и к северу и к югу, между Исландией и Гвинеей, – как Колумб, и никогда не терял ощущения пройденных расстояний, ощущения, присущего Колумбу больше, нежели кому бы то ни

было, тот чувствует, что земля кругла, и даже может в некотором смысле чувствовать, насколько она велика.

Вот эти-то наблюдения и внутреннее безошибочное чутье и дали Колумбу его идею кругосветного плавания. Ведь если земля кругла сверху и снизу – с севера и с юга, то должна быть кругла и с боков – с востока и с запада, кругом экватора, и если плыть все прямо-прямо на запад достаточно долго, то кончится тем, что объедешь вокруг всей земли. Никто не хотел верить этому, теперь это будет доказано!

На столь длинном пути к югу, как от Испании до Канарских островов, разница высоты звезд уже прямо бросалась в глаза тому, кто привык наблюдать; до некоторой степени можно было даже чувствовать разницу по истечении каждых суток; и таким образом нельзя было не чувствовать, что, держа курс с северо-востока на юго-запад, корабль плывет над выпуклой поверхностью чудовищно огромного шара.

Теперь Колумбу казалось, что они уже достаточно продвинулись к югу, и он собирался повернуть прямо на запад! Вот тогда посмотрим!

В ясные звездные ночи, наедине со Вселенной Колумб видит, что он прав. Как могли бы солнце, луна, все неподвижные звезды и планеты, словом, все сферы, вращаться вокруг земли, если бы она не была кругла и не витала свободно в мировом пространстве?

В ОКЕАНЕ

С 9 августа по 6 сентября, почти месяц, стояли корабли Колумба у Канарских островов. «Пинта» лишился руля, – каверзы двух владельцев судна, участвовавших в экспедиции, но добивавшихся, чтобы их отпустили обратно; настоящее предательство; в результате страшная задержка. Да, заглянуть бы поглубже в натуру человеческую!.. Но повреждения были исправлены, и, потеряв месяц, корабли все-таки отправились дальше, прямо на запад, в открытый океан, где никто и никогда еще не бывал. В этом году случилось извержение Тенерифа, и, когда Колумб проходил мимо вулкана в ночь с 23 на 24 августа, взорам команды «Санта-Марии» представилось зрелище, от которого у них мозг застыл в костях: на небе пылало кровавое зарево, чудовищный конус вулкана, торчащий из моря, освещался сверху донизу собственным пламенем; вершина его, словно с лопнувшими огненными жилами, извергала клубы дыма и раскаленные камни, лава текла потоками по бокам горы. На палубе корабля было светло, как днем; ночь была оттеснена на целую милю во все стороны от горы, зато за пределами светового круга вставал стеною мрак кромешный. В дыму сверкали молнии, и страшные раскаты грома сотрясали как будто недра самого моря. Мореходы предвкусили в эту ночь ужасы конца мира, и впечатление это, хотя и заслоненное потом другими, глубоко и

крепко засело в их душе, отнюдь не придав им бодрости и сил для дальнейшей поездки.

Самое пребывание на Канарских островах тоже не способствовало укреплению в них силы характера; разбалованность и самоволие, к чему привыкла команда на этих волшебных островах, пришлось снова изгонять плеткой, пока матросы опять не втянулись в ляжку черной работы на корабле. Диего, соприкоснувшись с существами удивительной, чарующей прелести, – на островах еще сохранились небольшие остатки чистой туземной расы, – прибавил новые влияния к той многообразной смеси, которая составляла его характер. И, снова очутившись на палубе корабля, брошенного в океан, Диего первые дни был сам не свой, отдаваясь воспоминаниям, непосредственно принадлежащим ему самому лишь наполовину; другая половина была отдаленного наследственного происхождения, и Диего, защищая глаза рукою, не переставал оглядываться назад, на конус Тенерифа, пока тот не окутался клубами дыма, как женщина, прячущая лицо в волнах распущенных волос. После этого Диего загрустил и стал несловоохотлив.

Но на другое утро, когда Тенерифа уже не видно больше, Диего поражает товарищей новыми песнями, с своеобразными дикими напевами и с обрывками текста на чужом языке, из которого сам Диего знает лишь несколько слов, самых нежных в нем. Слова эти часто раздаются в пути отголоском пережитого и настраивают Диего на грустный лад. А белые

округлые контуры «Ниньи», плывущей в близком соседстве, служа единственным напоминанием о чем-то женственном среди сурового простора моря, заставляют Диего, сидящего на палубе на корточках, отчаянно мотать головой, свешенной вниз между коленями,

– нет на море человека несчастнее его!..

8 сентября подул крепкий северо-восточный ветер, который был им нужен, и дул упорно. Вот когда дело пошло всерьез! Однажды утром мореходы уже не могли найти на горизонте ни малейшего признака берегов. Куда ни обернись, вокруг них кольцо водной пустыни. Матросы глядят друг на друга: так вот к чему шло дело? И сердце у них падает... Да, к этому. Адмирал стоит на своем мостике с таким выражением лица, что ошибиться нельзя; он говорит, что наконец-то они все у него в руках, и он использует их до конца. Матросы растерянно ищут глазами два других корабля, которые, то догоняя, то отставая далеко позади, следуют за «Санта-Марией» по тому же направлению – прямо на запад. И с них, верно, глядят на «Санта-Марию»; эти три суденышка держатся вместе, составляют друг другу компанию в океане, в этой беспредельной водной пустыне...

Кое-кто всплакнул украдкой в это первое утро; матросы ходили с покрасневшими глазами; спускаясь за чем-нибудь в грузовой трюм, не в редкость было встретить там товарища, который при встрече отворачивал лицо, а, поднявшись на грот-мачту подтянуть парус, можно было найти там това-

рища, который забрался туда выплакаться. И у кока в камбузе глаза тоже покраснели. Но по лицу того железного человека на мостике видно было, что назад возврата нет. Он ходил своим львиным шагом взад и вперед, впери́в в западный горизонт свои бездонные зеленовато-голубые глаза... Уж не само ли море приняло его образ? Он спокоен, как будто путь ему знаком, как будто он едет к себе домой со всем этим грузом доверчивых простаков, которых он обманом заманил к себе на корабль... Уж не сама ли смерть оказалась их кормчим?..

«Санта-Мария» со своими двумя горбами впереди и сзади раскачивается на длинной глубокой волне Атлантического океана, как качалка; деревянная обшивка судна трещит, такелаж, реи скрипят, зеленая прозрачная вода и белая пена обдают нос судна; судно неважное, с плохим ходом, но при попутном ветре, как сейчас, все-таки успешно подвигается вперед.

Неуклюжая, полусудно-полукрепость, каравелла (самое слово происходит от слова «краб») – плод смеси тех же элементов, которые послужили материалом для создания Диего. В сущности, это был корабль викингов, средней величины ладья или шхуна с прямым парусом на средней мачте и с более чем достаточной для такого судна командой из 52 человек. По всей вероятности, родоначальником каравеллы был флот норманнов, проникший в Средиземное море и оставивший свой след в мореходстве Генуи, Венеции – гон-

долы! – а также Испании, куда норманны углубились речными путями – например, по Гвадалквивиру. На Средиземном море корабль викингов обзавелся лишними парусами: косым латинским на кормовой мачте, вторым прямым парусом, но поменьше, на особой мачте на носу, и третьим, еще поменьше, на кливере, чтобы ловить ветер; над большим прямым парусом посередине поставили еще топсель; вообще это было судно переходного типа – от старого к новому. Башенки на носу и на корме были надстройками, созданными опытом сухопутных войн – плавучими крепостцами. Весла норманнского корабля были убраны с каравеллы, зато ей дана была артиллерия, небольшие чугунные пушки – фальконеты и ломбарды, которые стреляли и вредили неприятелю издали. Готическая резьба украшала все наружные деревянные части судна; на борту своем оно несло средние века и Средиземное море, но кораблеводитель был взят от древнего северного корня – провидец, путешественник и перевозчик, а в жилах команды текла самая смешанная кровь, кровь многих рас и народов, осевших в разные времена на разных берегах Средиземного моря; тлели в этой европейской крови и темные африканские искры.

Теперь каравелла неуклюжим галопом прыгает по волнам, словно сама себе мешая, но упорно пробиваясь вперед день-деньской, по направлению к солнечному закату, туда, где одноглазый красный исполин – солнце одиноко погружается в пустынное море, оставляя за собою окровавленное небо; не

прерывает она своего галопа и в течение короткого вечера и в течение долгой ночи; вперед, вперед, слегка накрываясь от полукормового ветра; видно, что у этой каравеллы есть цель, к которой она и стремится денно и нощно!

Позади осталась Европа, старый, раздираемый междоусобиями мир; мир хищничества и рабства; страны и народы, связанные между собою лишь внешним образом; Европа с ее папами, императорами и королями, с гордым рыцарством и поработанным крестьянством; со всемогущими епископами, ордами монахов, кострами для еретиков и угнетенным, по рукам и по ногам связанным высшею властью простонародьем; с целою лестницею ленного дворянства, с самовластным обменом владений между князьями, с их политикой браков и войнами из-за наследств; Европа – ряд крупных имений, которые в самом деле должны были скоро объединиться путем браков, перейти чуть ли не все в одни руки.

А в глубине ее идет брожение, как в почве парника. Некий доктор чернокнижничает в Европе, разнуздывает сатану! Девятилетний мальчик в Мансфельде поучает народ истинному христианству и подвергается за это порке в том самом году, когда Колумб отплывает из Палоса, – Мартин Лютер! Копернику исполнилось 19 лет, и он вынашивает в себе ростки революционера. Крестьяне толпами собираются в своих жалких кабаках, галдят и воют там, как стаи бешеных псов; никто не обращает на них внимания, а между тем многим владельцам замков предстоит, проезжая мимо с соколом на

руке, быть стащенными толпою с седла и забитыми насмерть палками, от которых не защитят никакие рыцарские доспехи.

Словно сколоченная навеки высится Европа; опорный столб вбит глубоко в землю — до первобытной скалы; но, пожалуй, все-таки постройка возведена только на щите древней черепахи, и последняя в один прекрасный день вдруг начнет шевелиться, очнувшись от тысячелетнего сна, и высунет из тины свою змеиную голову!..

Вовремя «Санта-Мария» отплыла—небо Европы существовало достаточно долго; в нем должны были образоваться трещины!

Что бы, однако, ни творилось теперь там, дома, они были отрезаны от всего, замкнуты в кольце моря. Быть может, им и не суждено больше никогда увидеть старый мир. И никогда не будут расспрашивать об их участи их домашних; о злополучной судьбе их не останется даже печальной памяти; не будет у них ни могилы, ни славы, как у других храбрых несчастливцев, погибающих где-нибудь на виду у людей; они попросту исчезнут в никому не ведомых краях, и остальные люди быстро забудут даже самый факт их исчезновения.

Вот как жесток этот человек на корме! Им кажется, что они многое понимают, те, что едут с ним; но им не понять, как он мог пойти на безвестную, бесследную смерть ради подвига, не имеющего определенной, всем известной цели; нет, этого им не понять!

Печально было настроение на корабле Колумба на второй и на третий день; утром, подымаясь на палубу, матросы видели вокруг себя пустынное кольцо моря; никаких признаков суши ни впереди, ни позади; одни отвратительные волны да солнце, такое яркое и беспощадное, как бы подчеркивающее жалкое одиночество этих трех болтающихся в океане суденышек; куда ни кинь взгляд – море, море да небо!

Солнце садится, не заронив в души ни луча надежды, кругом полинявшее море, потом тьма; с громким скрипом прыгает по волнам «Санта-Мария», все более и более врезываясь в тьму, упорно стремясь навстречу неизвестному – к западу.

В эту ночь Диего свернулся по-собачьи в уголке на палубе; в трюме спать слишком жарко. До чего же, однако, дойдет жара? Можно ли вообще будет выносить ее? Он крепко жмурит глаза, стискивает губы; внутри у него клокочет; нет сил заснуть, нет сил и не спать. Через некоторое время он все–таки засыпает, но вздрагивает во сне и глухо стонет от мучительных сновидений.

Высоко на кормовом мостике видна черная бодрствующая фигура адмирала, не выпускающего из рук своих циркулей и других инструментов, целящего прямо в луну, вечно занятого своим колдовством... Что ж, он так и не спит никогда? Денно и ночью видят его на командорском мостике; неужели он совсем не нуждается в отдыхе и в сне? Нет, видно, он и впрямь не человек!

Нет, адмирал, конечно, спит или дремлет время от време-

ни; без этого и ему не обойтись, но он не знает правильно-го отхода ко сну на койке. Этого он себе позволить не может, у него не выходит из головы лаг⁷, он не смеет перестать высчитывать пройденное расстояние. Если он и засыпает, то всегда на очень короткое и строго определенное время, приказав разбудить себя в такой-то час, и таким образом всегда может сохранять представление о расстоянии, пройденном за этот, точно известный ему, срок. Разницы же между днем и ночью он вообще, как старый мореход, не знает.

И на мостике носовой башенки есть свой вахтенный; сегодня ночью это молодой Педро Гутеррес; он ходит взад и вперед, по-видимому, чрезвычайно занятый луной; слышно, как он напеваает поэтичные песни; как видно, он мечтатель.

Молодой Педро добровольно отправился в это плавание. Он красивый сын своего народа, но неимущий, и соблазнился баснями о возможности разом разбогатеть. Среди команды он выделялся своей наивностью и благовоспитанностью и стал бы легкою добычею насмешек и глумления, если бы не был вместе с тем безрассудным храбрецом и ловким бойцом. Он был очень молчалив, думал совсем о других вещах, нежели остальные, и в конце концов его оставили в покое, перестали обращать на него внимание.

Ночью он поет, стоя неподвижно у фальшборта, и смотрит на море в ту сторону, где готова закатиться луна, задумчивый, с тонкими, мягкими чертами лица, достаточно муже-

---

⁷ Прибор для измерения расстояния, пройденного судном.

ственного, но такого прекрасного, как будто сквозь него просвечивает лицо прелестной молодой девушки; это его мать, которая осталась теперь там, далеко-далеко. Он подымает лицо к звездам, вздыхает и поет полные возвышенного лиризма и пафоса песни, похожие на молитвы.

35 дней прошло с тех пор, как они видели землю в последний раз — долгий срок для людей с таким нервным темпераментом, каким отличалось большинство команды; да и для самого невозмутимого кормчего никогда еще время не тянулось так долго. Как и следовало ожидать, с командой оказалось очень трудно ладить.

Глубокий упадок духа в первые дни после того, как земля скрылась из виду, скоро сменился строптивостью; взгляды исподлобья говорили о желании померяться силами. Ого! еще посмотрим, можно ли угощать добрых испанцев всякими выдумками! Мало-помалу глаза, прежде опущенные вниз на палубу или подымавшиеся самое большее до уровня трапа, ведущего на командорский мостик, стали угрюмо, вызывающе глядеть на адмирала в упор. Скоро дошло и до столкновения, хотя и не до открытой войны; это было лишь пробой сил и произошло таким образом.

Между собою команда только и говорила о том, чтобы повернуть назад. С адмиралом об этом не говорили, но стали плохо править рулем. Все чаще и чаще случалось, что рулевой ошибался и поворачивал судно против ветра, правя курс на север; они пытались поставить на своем, эти рулевые,

смотрели на адмирала в упор и сбивались с курса, как упрямые дети, которые хотят испытать – как далеко могут зайти в своем упорстве. Их ошибку замечали и курс выправляли; адмирал как будто и не подозревал, что было у них на уме, или же с ангельским терпением не подавал виду что подзревает.

Но однажды утром обе стороны приоткрыли свои карты. Против обыкновения, адмирал на некоторое время покинул свой пост, и когда вернулся и осмотрелся вокруг, то увидел, что курс взят настолько круто к северу, насколько мог лавировать корабль. Не прошло и двух секунд, как он сам стоял у руля, накрыл своими кулачищами кулаки рулевого и, повернув руль вместе с рулевым, направил корабль опять к западу. Рулевой был не соломенное помело, а весьма дюжий парень, но весь обвис под хваткой Колумба, и ноги его волочились, как у куклы, когда адмирал сметал его и руль и судно с неверного курса; самый корабль почти лег на бок, так крут был поворот, и горизонт повернулся сразу на целую четверть круга. Адмирал просто как будто приподнял все судно и поставил на место!

И ничуть не запыхался, не изменился в лице, вряд ли даже рассердился, только улыбнулся довольною и чуть-чуть предостерегающею улыбкой по адресу Санчо Руиса, первого штурмана, допустившего такое уклонение от курса.

Больше это не повторялось. Рулевой долго глядел на свои руки, совсем скрючившиеся, а потом опустил их в ведро с

холодной водой; в таких тисках они еще не бывали. Остальная команда делала свое дело, бледная, с трясущимися губами. Кто ж его знал, что он такой силач! Всякий видел, что он огромного роста, настоящий бык, но чтобы он отличался таким проворством?! Никто оглянуться не успел, как он прыгнул к рулю, словно огромный тяжелый кот, а его веснушчатые ручищи, обросшие рыжей щетиной, это скорее заступы, нет, кузнечные тиски, а не руки человеческие! Игра выходит неравная!

Курсом с тех пор рулевые не ошибались. И адмирал в устремленных на него отовсюду темных горящих глазах видел лишь страдание и жалобу; ненависть пока притаилась. Гнетущее настроение воцарилось на корабле в течение следующих дней, когда открытое море по-прежнему расстилось во все стороны от судна, и все зловещее казалось безостановочное удаление его от земли. Да и характер волн изменился. Погода стояла по-прежнему прекраснейшая, но море как-то все больше и больше напоминало бездну; волны катились с каким-то пустым и зловещим грохотом, то подымая «Санта-Марию» на высоту большого дома, то низвергая с этой высоты вниз, не говоря уже о боковой качке. У многих дух замирал от всего это -го и от сознания, что это предвещало близость края света; несомненно, они подвигались к таким местам, которые находились за пределами мира. Иначе откуда эта бездноподобность моря?

Мачта, несшаяся по волнам, большая мачта, очевидно, с

судна значительно крупнее, чем «Санта-Мария», давала косвенный ответ на эти испуганные вопросы. Она говорила о крушении судна где-то около этих мест; если же тут погибло столь крупное судно, то что же станется с судами помельче?

Адмирал, к которому решились обратиться по столь серьезному поводу, держался иного, циничного взгляда: гибель корабля, по его мнению, свидетельствовала как раз о том, что море здесь самое обыкновенное море; во всяком море случаются кораблекрушения; дело самое обыкновенное; за пределами же мира вообще не могут ходить никакие корабли, не правда ли?.. Вдобавок, никто не знает и не мог знать, откуда занесена была и как долго носилась по волнам эта мачта. С этим утешительным ответом матросы и вернулись к своим делам и слезам. Этот жалкий обломок корабля ужасно их разжалобил, разогорчил!.. Так сиротливо качалась на волнах эта мачта с расщепленной верхушкой, позеленевшая от морской слизи, пропитанная водой, глубоко в нее погруженная, мачта, бывшая некогда живым деревом в лесу, а теперь труп, труп на мокром кладбище моря, игрушка волн, подкидываемая ими, плывущая по течению, отданная на произвол неведомых сил, одинокая, показывающаяся на одном горизонте и скрывающаяся за другим, вещь без души, без лица и все же нечто в роде существа; глядеть на нее – сердце разрывается от жалости. Бедная, бедная игрушка волн, которую они треплют и беспечно уносят куда-то! Матросы следили за нею, пока она не скрылась из глаз, и

тогда только отвернулись, прослезившись. Наблюдал за нею и адмирал, долго и пристально; быстрота, с какой она осталась позади судна, послужила ему желанной отправной точкой для вычисления расстояния, пройденного кораблем, и суждения о скорости течения.

День 13 сентября был несчастным днем, что, впрочем, не сразу обнаружилось для команды. Матросы узнали об этом лишь позже, но ясно было, что в тот день судьба их, как, по-видимому, и судьба некоторых тел небесных, болталась в пространстве вместе с магнитною стрелкой! Простой человек по-своему судит о вещах, в которые он не посвящен, но которые урывками врываются в его сознание; возможно, что он также прозревает вещи по-своему, хотя он и не астроном. Компас в тот день сбился с толку и врал так грубо, что даже рулевой обратил внимание: острие стрелки изрядно отклонилось от севера, на который должно было указывать. Дело было серьезное, которое адмирал, разумеется, пытался замолчать, пока лоцман и штурман также не открыли поведения стрелки и не обратили на него – уже дня два спустя – внимание адмирала. Перед ними адмирал уже не стал притворяться, что не знает об отклонении стрелки – от севера к западу. Но почему же в этом непременно виноват компас? Разве не может быть, что это Полярная звезда отклонилась от своего пути на несколько градусов!

И ему в самом деле как будто удалось убедить в этом своих сведущих подчиненных, ибо дело это так и было оставле-

но, а корабли продолжали себе плыть да плыть. Но будь это так, разве это был бы не еще более грозный знак? Полярная звезда сошла с своего места?! Да ведь это же знамение перста небесного, ясное указание свыше, и можно ли пренебрегать им? Какой же он, после этого, христианин, этот чужеземец?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.